

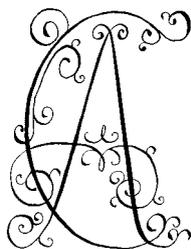
Министерство культуры Российской Федерации

Российская академия наук

Институт славяноведения

СЛАВЯНСКИЙ АЛЬМАНАХ

2011

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИНДРИК»

Москва 2012

УДК 94(367)

ББК 63.3(4)

С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук

К. В. Никифоров, доктор исторических наук, директор

Института славяноведения РАН (отв. редактор)

М. А. Робинсон, доктор исторических наук

В. А. Хорев, профессор, доктор филологических наук

А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2011. — М.: Индрик, 2012. — 600 с.
ISSN 2073-5731

Шестнадцатый выпуск альманаха содержит материалы международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», а также других научных форумов, проходивших в Дни славянской письменности и культуры в 2011 г. в Москве. Традиционные разделы альманаха включают статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от эпохи Средневековья до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The 16th volume of the miscellany contains materials of the international research conference «Slavic World: Community and Variety» as well as other research forums which took place during the Days of Slavic Writings and Culture in Moscow in 2011. Traditional parts of the miscellany include articles on actual problems of history, literature, culture and languages of Slavic peoples from Middle Ages till nowadays. The book is designed both for specialists and for a broad circle of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2012

© Коллектив авторов, Текст, 2012

© Издательство «Индрик», Оформление, 2012

Содержание

От редколлегии	13
----------------------	----

Пленарное заседание

<i>Никифоров К. В. (Москва)</i> . Историческая славистика в системе Академии наук (к 65-летию Института славяноведения РАН)	14
<i>Запольская Н. Н. (Москва)</i> . Церковнославянская книжность: «христианизация» текста и языка	32
<i>Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А. (Москва)</i> . Древнерусские надписи Софии Константинопольской	41

История

<i>Корзун С. Г. (Штутгарт)</i> . Генрих Гюйссен и борьба протестантов и католиков за влияние на русскую православную церковь в эпоху раннего Просвещения	53
<i>Йованович М. (Белград)</i> . Между одноплеменностью и враждой: Сербия и Россия в 1804–1878 гг. — политика, традиция и перцепция	64
<i>Кирилина Л. А. (Москва)</i> . Тенденции развития словенского либерализма в конце XIX — начале XX в.	86
<i>Латтева Л. П. (Москва)</i> . Неопубликованная рукопись В. А. Францева о чешской историографии второй половины XIX в.	97
<i>Котов В. В. (Москва)</i> . Возникновение сокольского движения (1861–1862 гг.)	110
<i>Вах К. А. (Москва)</i> . Итальянец на русской службе в Иерусалиме: неизвестные страницы истории Русской Палестины	120
<i>Малахов В. А. (Москва)</i> . «Польские» и «русские» евреи 50–80-х гг. XIX в. глазами современников	140
<i>Аржакова Л. М. (Санкт-Петербург)</i> . Отечественная полонистика первых десятилетий XX в.	155
<i>Силкин А. А. (Москва)</i> . Делегитимизация сербских правящих кругов (1930-е — начало 1940-х гг.) как внутривосточная предпосылка «социалистической революции» в Югославии.....	164
<i>Белайц М. (Белград)</i> . Армия Королевства Югославия в 1939–1941 гг.	182

<i>Дронов М. Ю. (Москва).</i> Прешовская газета «Русское Слово» (1924–1938) в контексте процессов формирования этнонациональной идентичности русинов Словакии. Постановка проблемы.....	208
<i>Алипиева А. (Варна).</i> Современная Болгария между мифами и реальностью	224
<i>Пивоваренко А. А. (Москва).</i> Республика Хорватия и миротворцы ООН в 1992–1993 гг.	233
<i>Осипова А. В. (Москва).</i> Эскалация косовского конфликта в 1998 — марте 1999 г.....	248

История культуры

<i>Робинсон М. А., Сазонова Л. И. (Москва).</i> Судьба составленного Н. Н. Глубоковским описания рукописных и старопечатных книг из библиотеки Упсальского университета.....	266
<i>Добиаш Д. (Прага).</i> Вторая жизнь «Краледворской и Зеленогорской рукописей» в чешской литературе XIX в.	284
<i>Шерлашмова С. А. (Москва).</i> XX съезд КПСС и чешская литературная «оттепель»	294
<i>Старикова Н. Н. (Москва).</i> Мировая поэзия в зеркале словенского художественного сознания (литературный проект «Песнь Орфея»).....	306
<i>Яначек П. (Прага).</i> «Русак», животное, добрая душа и художник. Национальные стереотипы русских и России в чешской литературе начала XXI в.	317
<i>Шатько Е. В. (Москва).</i> Образы Кирилла и Мефодия в романе М. Павича «Хазарский словарь»	329
<i>Маркович С. (Ниш).</i> Живопись Леонида Шейки (от антиискусства — к философии всеединства).....	340
<i>Косик В. И. (Москва).</i> Лидия Мансветова — из жизни на балканских сценах.....	349
<i>Агапкина Т. А. (Москва).</i> Сюжетные схождения в области лечебных заговоров на территории русско-белорусского пограничья.....	357
<i>Колосова В. Б. (Санкт-Петербург).</i> Названия предметов одежды в фитонимах (к вопросу о пересечении кодов)	365
<i>Якимова А. П. (Москва).</i> Символические функции болгарской народной одежды: этнолингвистический аспект	380
<i>Седакова И. А. (Москва).</i> Семантика, магия и этические аллюзии одного предиката традиционной культуры славян: ТАЙКОМ (ТАЙНЫЙ).....	397

<i>Тунин А. Е. (Москва). Новогреческие загадки о солнце: античные, балканские и славянские мотивы</i>	409
---	-----

Языкознание

<i>Вендина Т. И. (Москва). К вопросу о пространственно-временной интерпретации славянских лексических изоглосс</i>	429
<i>Ананьева Н. Е. (Москва). Категория 'начало' в русском и других славянских языках</i>	468
<i>Ясинская М. В. (Москва). Око и глаз и их деривативы в славянских диалектах</i>	480
<i>Коконова А. Б. (Москва). Представления о беременности в севернорусских диалектах</i>	490

Публикации

<i>Стыкалин А. С. (Москва). Венгерский дипломат и историк о русском национальном чувстве и советском патриотизме</i>	499
<i>Орехов А. М. (Москва). XX съезд КПСС и положение в Польше. Советские и польские руководители на Старой площади</i>	510

Рецензии

<i>Шведова Н. В. (Москва). Образ России в Словакии</i>	536
<i>Узенева Е. С. (Москва). Новый труд по современной украинской диалектологии</i>	543
<i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва). Первая книга Института Ивана Франко</i>	547
<i>Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва). Киевская командировка А. Л. Бема</i>	553

Хроника

<i>Чуркина И. В., Хаванова О. В. (Москва). Международная конференция «Роль церкви в развитии межконфессиональных, культурных и общественных связей между Россией и зарубежными славянами»</i>	556
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Научно-практическая конференция «Славянский мир»</i>	562

<i>Шведова Н. В. (Москва). Международная научная конференция «Русский человек и Россия в славянских литературах, фольклоре, документалистике»</i>	565
<i>Гаврюшина Л. К. (Москва). Международная конференция «Векторы в развитии истории и культуры славян»</i>	573
<i>Запольская Н. Н. (Москва). Вторые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения</i>	583
Сведения об авторах	590

М. Белаџац
(Белград)

Армия Королевства Югославии в 1939–1941 гг.

В публикации рассматривается деятельность высшего политического и военного руководства Югославии накануне нападения Гитлера на эту страну. Особое внимание уделяется внешнеполитическим маневрам Белграда, в том числе попыткам установления союзнических отношений с СССР.

Ключевые слова: *Югославия, князь Павел Карагеоргиевич, генерал Милан Недич, полковник Жарко Попович, переговоры с СССР, переворот 27 марта 1941 г., Апрельская война 1941 г.*

Стратегические военные союзы обуславливаются не только идеологическими, религиозными, национальными или культурными причинами, наличием старых врагов или новых союзников, но и имеют, прежде всего, национальный интерес — общность стратегических подходов. В случае поражения государства под вопрос ставится существование не только общества и экономики, но и всего его будущего. Эти факторы имели в виду германские правительственные круги, устанавливая близкие отношения с СССР; они же нашли отражение во французских стратегических планах 1934–1940 гг.¹. А к осени 1939 г. и в Королевстве Югославия оформились силы, выступавшие за развитие отношений с Советским Союзом².

Наши представления о данном предмете в течение длительного времени зависели от политической конъюнктуры. Это и не удивительно, но в свете новых документов некоторые исторические факты могут быть представлены в ином качестве. Многие из них и ранее были использованы в соответствующих исследованиях, однако интерпретация выглядела весьма неубедительно, что ставило под сомнение их достоверность. Документы, хранящиеся в архиве Гуверовского института (США) дали возможность опровергнуть выводы, содержащиеся в подобных работах³.

Сейчас мы наблюдаем две крайности, одна из которых характеризуется поиском новых парадигм и так называемой «ревизии» сложившихся мифов, а в сущности служит современным политическим реалиям под маской науки, а другая до сих пор находится под влия-

нием «классового» подхода к изучению положения в Королевстве Югославия⁴.

Так, например, современный французский историк Г. Жакиньон, который в своих исследованиях приходит к выводу о «германской ориентации» и «отторжении Югославии от советско-французского сближения», сознательно избегает объективного анализа французского взгляда на Александра Карагеоргиевича, югославскую внутреннюю и внешнюю политику и характер югославо-французских отношений, что содержится в Записке, составленной министерством иностранных дел для так и не состоявшихся в октябре 1934 г. переговоров французских президента, премьер-министра и министра иностранных дел с королем Югославии. Из нее мы можем узнать, как Франция видела развитие двусторонних отношений, а также оценить содержание тех шагов, которые французское правительство намеревалось предпринять. В первую очередь, в этом документе указывается, что «югославское правительство весьма ценит шаги Франции, направленные на сближение с СССР».

Тем не менее историк при анализе Записки указывает, что это, «по меньшей мере, преувеличенная оценка», за чем следует целый ряд домыслов⁵. На наш взгляд, оценки французского МИД не были преувеличением и отражают тот факт, что убийство короля Александра произвело сильное впечатление на Москву. В свою очередь, американский посол в Москве также заметил сближение СССР и Франции, а короля Александра считал опорой ее политики на Балканах, которая, «вероятно, находилась в полном согласии с планами СССР»⁶.

В упомянутой Записке четко прослеживается, что «югославское правительство слишком хорошо осведомлено об опасности, которую представляет триумф германизма в Восточной Европе, чтобы остаться в стороне от происходящих событий». Это вытекает и из того факта, что официальный прием Геринга в 1934 г. был отложен, а король укреплял отношения с Францией. Да и тогдашняя правящая сербская элита помнила недавнюю войну. Она высказывала определенную озабоченность тем, что в будущем Германия будет оказывать серьезное экономическое и культурное влияние, имея в виду, что в Словении и Хорватии оно и так было достаточно сильным⁷...

С другой стороны, югославский журналист Н. Милованович, весьма произвольно трактуя фрагменты из донесения югославского посла в Москве, пытается доказать, что политика официальных военных и гражданских властей Югославии была неискренна в желании установить сотрудничество с СССР, имея целью лишь показать

свои стремления народам Югославии; да и советская сторона не желала рассматривать эти предложения⁸.

Историки Б. Петранович и Н. Жутич, используя новые документы, показывают, что в начале февраля 1940 г. между представителями обеих стран шел активный обмен мнениями, инициатива которых исходила от министра иностранных дел Югославии А. Цинцар-Марковича. 13 февраля он представил регенту, князю Павлу, и премьер-министру Д. Цветковичу меморандум в котором изложил немецкие требования и возможный ответ на них. Как один из вариантов он предложил рассмотреть и советские предложения⁹.

Из предварительных бесед с советскими представителями посол Югославии М. Гаврилович сделал вывод, что СССР заинтересован в ослаблении Германии и в оказании помощи балканским странам для их сопротивления, пока военная ситуация радикально не изменится против Берлина. Затем, через Тупанянина, главе правительства была послана записка о наделении Гавриловича полномочиями для ведения дальнейших переговоров о создании советско-югославского военного союза. Причем переписка об этом шла, минуя Министерство иностранных дел. Объясняя министру эту инициативу, о которой он узнал непосредственно от Цветковича, посол 14 марта указал на роль подполковника Б. Симича, а также изложил свои взгляды:

«Утром мне сообщил Божин Симич: „Эти люди постоянно меня спрашивают, оповестил ли я вас об их инициативах, сообщили ли вы о них своему правительству и какова его реакция. Я уверен, что этот вопрос их очень сильно заботит“. Я ответил Симичу, что я довел информацию, но больше ничего не знаю».

И далее: «Во всяком случае, следует попытаться, поскольку:

Во-первых, советское правительство может не отреагировать на мой зондаж из-за отсутствия у меня соответствующих полномочий. В этом случае наше правительство потеряет доверие народа, известного своими симпатиями к России, несмотря на установленный там режим. В этой ситуации у нас тем более нет другого выхода, как попытаться изложить наши условия. В противном случае советское правительство в удобный момент может объявить, что проявляло соответствующие инициативы, но мы их отвергли для будущего союза с Великобританией по примеру Болгарии.

Во-вторых, советское правительство может согласиться, но в то же время ставить условия и тянуть время, в том числе и с поставками вооружения. В этом случае необходимо сделать так, чтобы возможный отказ советских властей рассматривался исключительно как их инициатива.

В-третьих, советское правительство может и в самом деле пойти на сотрудничество. В этом случае мы не будем против Германии и Европы один на один, а объяснения с Германией, в случае отсутствия реакции в виде параллельного заключения мира, о котором писала „Нью-Йорк Таймс“, будут делом Советской России. Германия не сможет официально выступить против этого соглашения, так как это будет означать ее разрыв отношений с Советской Россией, а в этом случае она будет слабее и в отношении нас. Все это имеет огромное значение, поскольку сейчас мы находимся под германским давлением, и поэтому не можем больше ни ждать, ни маневрировать, а присоединение к оси Берлин–Рим было бы нежелательно.

В-четвертых, эта попытка позволит нам убедиться, действительно ли эти военные круги, так настаивающие на своих предложениях, связаны с их правительством, и в противном случае, что весьма маловероятно, насколько они сильны, так как на самом деле в их рядах, как и в рядах армии, а теперь и в партийных кругах, растет недовольство прогерманской политикой, существовавшей до настоящего момента. Вчера вечером один полковник в своей лекции заявил, что уже сейчас может сказать, что Германия проиграла войну и что их политика должна формироваться с учетом этого факта»¹⁰.

Британский посол в Белграде сообщал в Лондон, что премьер-министр Цветкович через Тупанянина зондировал вопрос о возможном военном союзе с СССР. Тупанянин, по словам Цветковича, медлил с выводами, но, видя настойчивость своего премьер-министра, «выразил полное одобрение, если это было бы возможно, так как это означало бы столкновение СССР и Германии». Только тогда Цветкович поверил ему, что несколькими неделями ранее в Москву было отправлено специальное доверенное лицо и что военным чиновникам, с которыми он поддерживал связь, понравилась эта идея. В той же депеше посол отметил, что он получил такие же проверенные сведения из других источников. Он также предположил, что и Цинцар-Марковичу понравилась эта идея¹¹.

Британский посол в СССР Стаффорд Криппс, по неосмотрительности Гавриловича, получил возможность передать из Москвы в Лондон сообщение о том, что «специальный военный представитель Югославии, бывший генерал Красной армии, здесь уже более двух недель» и что он дважды разговаривал с российскими властями, которые с радостью заключили бы военное соглашение с Югославией и настаивают на том, чтобы ее послу были даны инструкции для обсуждения этого вопроса с советским правительством. Гаврилович, по словам Криппса, отправил сообщение о том в Белград¹².

Факт сотрудничества бывших участников организации «Черная Рука» (в нее в свое время входил Б. Симич) с советским руководством особо подчеркивал видный историк В. Дедиер. Между тем, в контексте поставленной темы, на наш взгляд, наиболее интересны свидетельства о деятельности Сербского культурного клуба (СКК). Так, непосредственно после аншлюсса Австрии, в марте 1938 г., руководство СКК организовало для своих членов лекцию генерала и академика Ж. Павловича на тему «Стратегическое положение Югославии в будущем мировом конфликте». Вход на это мероприятие осуществлялся по специальным пропускам.

Основные идеи генерала Павловича сводились к следующему:

1. Стратегическое положение Югославии в будущей мировой войне будет намного тяжелее, чем в Первой мировой войне.

2. Союзники Югославии — Франция и Великобритания — не смогут победить германский вермахт.

3. Переход Италии на сторону Гитлера делает невозможным, в случае начала войны, посылку Югославии помощи по Средиземному морю.

4. После оккупации Австрии судьба Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии предрешена.

5. Будущая стратегическая изоляция Югославии будет обусловлена разрывом транспортных средиземноморских путей, что не позволит ей создать новый фронт на Балканах.

Генерал Павлович завершил свою лекцию тезисом, что в Европе, в случае начала мирового конфликта, еще есть условия для успешного противостояния гитлеровской агрессии, но этот вопрос находится в компетенции политической, а не военной стратегии. Когда после лекции, в разговоре в узком кругу, ему был задан вопрос — какая могла бы быть новая политическая стратегия Югославии, генерал Павлович ответил, что он имеет в виду СССР как возможного партнера Югославии, «поскольку там существует возможность успешного стратегического маневра против германской армии».

Дедиер указывает, что этого же мнения придерживались генералы В. Максимович и М. Недич. Недич, в ходе расследования его дела при режиме Тито, заявил следователю, что он отправил в СССР доверенное лицо, чтобы прозондировать возможность военных контактов. Значительную роль в этом сыграл и Б. Симич, который с той же целью в феврале 1941 г. был отправлен в Москву¹³.

Еще в конце сентября 1939 г. от самого князя Павла военные и политические круги Франции получали сведения о том, что Югославия

собирается пойти на установление тесных отношений с СССР¹⁴. В течение зимы–весны югославское руководство рассматривало возможности обновления отношений с СССР, и 17 апреля 1940 г. Цинцар-Маркович тайно передал французскому послу Брижеру, что югославское правительство готово начать диалог по обновлению дипломатических отношений и отправляет в Москву торговую делегацию. Тогдашний министр обороны генерал М. Недич надеялся, что таким образом можно будет приобрести необходимое оружие и боеприпасы. Цинцар-Маркович обещал ему, что в случае продолжения экономических переговоров он будет иметь возможность послать в Москву военную миссию для достижения договоренности о поставках¹⁵.

Заместитель министра обороны генерал Д. Лукич, назначенный на этот пост 1 мая 1939 г. и занимавший его вплоть до капитуляции в апреле 1941 г., в своих мемуарах охарактеризовал причины югославско-советского сближения так: «С Советским Союзом не существовало никаких договоренностей, но чувствовалось, что это наша последняя возможность установить дипломатические отношения и в связи с этим обратиться к нему за помощью, поскольку бурное развитие тяжелой промышленности в СССР позволило ему обеспечить свою огромную армию самым современным вооружением»¹⁶.

При этом, в начале лета 1939 г. старые союзники — англичане, французы и американцы — объявили Югославии, что они не в состоянии в течение 1939 г. обеспечить поставки требуемых вооружений и что это станет возможным лишь в следующем году, не дав при этом никаких гарантий, что стало шоком для военно-политического руководства страны. Британское правительство обещало снизить объем поставок авиационного оборудования, медикаментов и инженерных материалов. В США государственные заводы обеспечивали собственную армию, а частные еще не перешли на военные рельсы; французы также снабжали только свою армию. Нейтральные страны как потенциальные поставщики оказались в строгой британской блокаде. Таким образом, оставались Италия и Германия, подчинившая себе и чешскую промышленность и, потенциально, СССР¹⁷.

«Летом 1940 г. в Советский Союз, с целью установления дипломатических и торговых отношений, нами была послана правительственная делегация. Ее очень хорошо приняли в Москве, и она выполнила свою задачу. Что касается торгового обмена, то достигнута договоренность о поставках нам из Советского Союза хлопка, а от нас в Советский Союз — металлов: меди, свинца, цинка, хрома, а также бокситов. Когда этот план будет реализован, возможно, последует

расширение товарообмена. Этот договор начал выполняться: Советский Союз поставлял нам хлопок, а мы ему — металлы. После чего мы запросили поставку части современного вооружения. Мы получили обещание, что они готовы нам его предоставить, если мы отправим список необходимого нам вооружения. Мы составили список и отправили его в Москву [...]. Осенью 1940 г. министром обороны был назначен армейский генерал П. Пешич, который, как и его предшественник, продолжил работу в этом направлении. Сразу после вступления в должность он распорядился составить список современного вооружения, которое требовалось получить от Советского Союза. Не помню подробностей, но там были перехватчики, бомбардировщики, танки и т. д. Но немцы тогда уже добрались до Румынии, закрыли Дунай и стали бдительно следить за Турцией и Болгарией, поэтому доставка требуемого вооружения была весьма затруднительной»¹⁸.

Генерал Д. Лукич не упомянул, чем конкретно завершились те переговоры, добавив только, что «великодушное предложение СССР так никогда и не реализовалось»¹⁹.

Генерал и историк В. Терзич в объемной, двухтомной монографии о Югославии в Апрельской войне 1941 г. также упоминает о попытке получения вооружения из СССР: «В виду начала войны в Европе невозможно было организовать какие-либо поставки, поскольку находящиеся в состоянии войны государства по понятным причинам не хотели продавать боеприпасы и вооружение, а невоюющие западные страны неохотно продавали вооружение Югославии, так как политика ее правительства была профашистской [...]. Наконец, Югославия безуспешно пыталась добиться поставок и от СССР. Хотя Советский Союз в ноябре 1940 г. через своего военного атташе в Белграде обещал поставить необходимое вооружение в кредит (речь шла о 600 самолетах, 300 танках и орудиях различных калибров), однако до Апрельской войны ничего получено не было»²⁰.

И хотя Югославия была вынуждена сохранять нейтралитет, тем не менее она продолжала негласно сотрудничать со старыми союзниками. Недостаточно вооруженная, с пошатнувшейся верой в самого сильного союзника, она пыталась выиграть время, чтобы перевооружить свою армию²¹. После нападения на Югославию немцы опубликовали часть секретных материалов французского Генштаба: из них ясно видно тесное сотрудничество двух Генеральных штабов — планирование посылки экспедиционного корпуса в Грецию, организация снабжения Польши, поставки вооружения, секретные миссии, обмен разведанными, препятствия действиям Германии и т. д.²².

Вслед за Лондоном отделение комитета «Свободная Франция» было основано в Белграде. Оно пользовалось поддержкой не только британского посольства и отдельных частных лиц, но, вплоть до падения Югославии, и ее официальных властей²³.

После нападения Италии на Грецию Югославия, вопреки предостережениям сил Оси, поддержала южного союзника. «Правительство в Белграде, несмотря на сохранение нейтралитета, продолжает помогать греческой армии, разрешая размещение ее складов продовольствия и боеприпасов на своей территории»²⁴. Для поставок вооружения грекам использовались фиктивные договоры частных компаний. С другой стороны, в декабре 1940 г. югославское руководство отказалось пропускать необходимые для итальянских войск, расположенных на территории Албании, продовольствие и боеприпасы. Такая позиция обусловила временное прекращение поставок в Югославию оружия из Италии, Германии и Чехии...²⁵

О генерале М. Недиче написано много — как современниками, так и историками. Он остался противоречивой фигурой в истории сербского народа, личностью, о которой еще при жизни ходили легенды. О его взгляде на СССР в 1940 г. наиболее полно свидетельствует Д. Йованович: «Был ли он одним из величайших актеров [...], или на самом деле искренне любил сербский и вообще славянские народы? [...] Самой интересной была моя беседа с ним в конце октября 1940 г. От того, как будет оценено то, что он сказал мне в ходе той беседы, в большой степени будет зависеть его образ в истории. Во всех ситуациях, в которых он оказывался во время оккупации, он проявил себя как гениальный актер. Но это не исключает того, что он был истинным патриотом и настоящим славянином и обманывал немцев, когда через меня предупредил Россию об опасности, угрожавшей ей со стороны Германии. Актеры весьма странные люди. Некоторые иногда играют так хорошо, что сами верят в то, что говорят»²⁶.

Д. Йованович познакомился с М. Недичем благодаря советскому послу в Югославии В. А. Плотникову. Плотников как-то пожаловался, что находится в изоляции и не может проверить, действительно ли посол Югославии М. Гаврилович передал некое сообщение из Москвы. Йованович навел справки, кто бы мог стать тем человеком, который имеет подход к князю Павлу, и сошлись на Недиче. В целях конспирации генерал принял его поздно вечером и подтвердил получение данного сообщения. На вопрос Недича о том, что делает Плотников, Йованович стал пересказывать недавний разговор, но генерал сразу прервал его заявлением о том, что он знает, чего

ждут русские, — 1942 года, чтобы осуществить третью пятилетку с целью перевооружения и реорганизации армии, после чего отправил сообщение, предупреждавшее Плотнокова, с данными о приготовлениях Германии к нападению на Россию и ее намерении занять весь славянский восток. Недич хотел также выяснить, почему русские сотрудничают с полковником Ж. Поповичем и не сотрудничают с послом Гавриловичем. Йованович отмечает: «После той беседы с Недичем я задался вопросом, был ли он искренен. Этот вопрос приобрел еще большее значение, когда после оккупации [...] он сам стал председателем правительства. Была ли это актерская игра для Плотнокова и меня или для Германии? [...] Во всяком случае, его информации, которую он передавал через Плотнокова, Сталин не доверял и относился к ней как и к другим аналогичным сообщениям, которые он получал от Черчилля и Бенеша и еще много от кого („капиталистическая интрига“). В этом нас убеждал Хрущев на XX съезде КПСС»²⁷.

Эта беседа, если она была верно интерпретирована, имела продолжение, а именно — высказанное Недичем спустя несколько дней князю Павлу мнение о необходимости определения четкого политического курса, чтобы и армия могла лучше подготовиться. И действительно, одним из предлагаемых пунктов было установление союза с СССР, но, с другой стороны, были показаны и его слабые стороны.

Генерал констатировал, что колеблющаяся политика, постоянное давление на армию начали разрушать ее мораль и позволили распространиться среди ее личного состава оппозиционным взглядам. К несчастью для страны, стратегическая ситуация резко изменилась. Армия, по мнению министра, не сможет противостоять одновременному, концентрированному удару со стороны Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Последствием этого может быть крах государства еще до конца Второй мировой войны.

Исходя из сложившейся ситуации, он предложил руководству страны три возможных варианта. Первый заключался в немедленной мобилизации и оказании помощи грекам, в связи с угрозой стратегического окружения Югославии в случае возможного прорыва Италии в северную Грецию. Однако тогда Белграду не стоило рассчитывать на серьезную помощь со стороны Великобритании. Вторым вариантом был союз с Россией, которая, с другой стороны, сама находилась в незавидном положении и вследствие своей географической отдаленности не могла оказать прямую помощь. Третий вариант, который, согласно Недичу, был весьма своевременен, — присоединение

к странам Оси. В пользу такого решения он приводил следующие факты: «Дела Оси идут не столь гладко, поэтому сейчас подходящий момент для принятия данного решения. Германия заняла европейский континент и установила на нем свое неограниченное господство. Со своим многомиллионным населением, если только она не допустит гражданской войны внутри страны, она будет господствовать в Европе еще долгое время. В связи с этим Германия остается нашим сильным соседом. Поэтому воспользоваться этой возможностью для нас будет естественным шагом. В результате такого нашего решения мы, во-первых, продлим себе жизнь, во-вторых, ограничим требования наших алчных соседей; и в-третьих, хотя и лишимся части нашей территории в качестве компенсации, сохраним свою страну от будущей оккупации. В противном случае мне кажется, что сербский народ очень дорого заплатит за поражение Югославии. Однако для принятия подобного решения нам необходимо пересмотреть весь наш курс, особенно внешнюю, внутреннюю и военную политику»²⁸.

Недич был осведомлен о немецком давлении и высказываемых «предположениях», что в интересах Югославии лучше в любом случае присоединиться к Оси, но не знал того, что стало известным из дневников графа Чиано, а именно: 7 июля 1940 г. Гитлер решил, что «Югославия в том состоянии, в котором она находится сейчас, не может иметь права на членство в новой Европе, оформленной на базе Оси»²⁹. В это же время похожие сведения получили дипломаты правительства Виши в Риме, Будапеште и Софии. Из Венгрии, из надежных источников, стало известно, что предварительные обсуждения плана оккупации Югославии прошли в Риме, однако время для его реализации еще не настало. Согласно достигнутым договоренностям, Далмация должна была оказаться в составе Италии, Словения и большая часть Хорватии — войти в состав Германии, Венгрии доставался значительный кусок югославской территории — вглубь от «существующей границы до Земуна». В то же время из столицы Болгарии от высокопоставленных лиц приходили сведения о содержании их бесед с Гитлером и его министрами, что Берлин, в силу экономических и иных объективных причин, пока не планирует начинать немедленные военные действия на Балканах, однако следует ожидать вторжения Рейха в Югославию, территория которой будет сведена к старым границам Сербии, а в Греции установят тот режим, какого она заслуживает³⁰.

Недич настаивал на немедленном принятии решения. Однако, передав через Цинцар-Марковича свой меморандум, он был смещен

с министерского поста, поскольку князь Павел расценил этот поступок как прямое давление на него.

В разговоре с британским послом в Белграде князь Павел не упоминал меморандум Недича как повод для его отставки. Он попытался дать понять Лондону, что основной ее причиной являлась неадекватная реакция министра на ситуацию с нападением итальянской авиации на Битоль. Особое недовольство князь выразил состоянием противовоздушной обороны на юге страны и отчаянием, охватившим население. Он полагал, что он и председатель правительства Д. Цветкович — единственные, кто может в сложившейся ситуации принять энергичные меры³¹.

Преемник генерала Недича на посту военного министра, генерал П. Пешич, продолжил политику сотрудничества с СССР. Вместе с начальником Генштаба П. Косичем он пытался как можно скорее решить вопрос с обещанными поставками оружия и боеприпасов...

В июле 1940 г. М. Недич вызвал к себе полковника Ж. Поповича³² и сообщил ему следующее: «У нас нет никого лучше вас, кто мог бы в короткое время дать нам ясную картину того, что СССР представляет из себя в военном отношении»³³.

На этой встрече Недич изложил ему свои планы. Он ожидал, что тот, контактируя с советскими военными кругами, сможет оценить, насколько СССР заинтересован в судьбе Югославии, и может ли она рассчитывать на поставки оружия и сырья. Недич напомнил Поповичу, что Германия оказывает давление на Белград, вынуждая его отказаться от собственной экономической политики, перестать оглядываться на СССР и Британию и не противиться возможным территориальным уступкам в пользу Италии. Пусть русские знают, что немцы не дают нам контактировать с ними, преуменьшают их силу и готовят масштабную агрессию против СССР, в том числе вербуя беженцев для разведывательных целей³⁴.

Полковнику Поповичу в ходе этой сложной миссии предстояло оценить, действительно ли СССР может стать могущественным стратегическим партнером Югославии и предоставить ей необходимые вооружение и боеприпасы для приведения югославской армии в боевую готовность, с тем чтобы она смогла успешно противостоять растущему германскому давлению.

В июле Недич издал распоряжение о том, чтобы экономический отдел Генерального штаба подготовил список материалов, которые можно было бы получить в Советском Союзе. Отделение подготовило все необходимое и к 5 августа отправило их начальнику Разведывательного отдела для передачи Поповичу.

Попович отправился к новому месту службы 30 августа, вместе с ним поехал майор Б. Станойлович. По пути они задержались в Софии и Одессе³⁵. В Москву они прибыли 5 сентября. Уже 15 сентября их принял, в присутствии начальника Генштаба генерала К. А. Мерцкова, нарком обороны маршал С. К. Тимошенко³⁶.

Попович тщательно подготовился к этой встрече. Наряду с утверждением, что Югославия — это мирная и стабильная страна, которая находится в хороших отношениях с соседями, он заявил, что она, тем не менее, будет защищаться в случае нападения, а также сообщил, что Германия неприязненно смотрит на отношения Белграда с СССР и везде, в том числе и в самой Югославии, старается убедить всех в полной несостоятельности советской мощи, одновременно ведя подготовку вторжения в СССР, и что он сам приехал в Россию «как на вторую родину, где провел детство», и что естественные отношения двух стран таковы, что хоть ранее они и не имели намерения помогать друг другу, тем не менее не могут желать друг другу зла³⁷.

Желая произвести на собеседника благоприятное впечатление, маршал Тимошенко говорил очень проникновенно. Он оценил положение Югославии как стратегически важное, но тяжелое. Попович воспользовался благоприятным моментом, чтобы сразу перейти к вопросам поставки вооружений, которые могли бы поступить из СССР уже зимой; в первую очередь, имелись в виду танки, зенитные и противотанковые орудия. Маршал благожелательно ответил, что список необходимого Белграду вооружения ему известен и что он уже беседовал с В. М. Молотовым о решении этого вопроса в кратчайшие сроки³⁸.

Югославский атташе прибыл в Белград только 22 сентября, поскольку двумя днями ранее советский министр обороны лично сообщил ему, что «вопрос предоставления Югославии военных материалов в ближайшем времени будет решать Совет народных комиссаров; и что председатель Совнаркома настроен благосклонно, а он (нарком. — М. Б.), как военный, осознающий „ценность и стратегическую значимость Югославии“, поддержит ее просьбу»³⁹.

Контакты участились. Советский нарком поручил начальнику Разведуправления более детально оценить внешнеполитические перспективы Югославии, прежде чем принять какое-то окончательное решение по вопросу поставок. Обо всех деталях этих переговоров Попович оповещал своего министра. Советские представители хотели выяснить, к какому именно государству относились слова Поповича «мы будем защищаться». Им было объяснено, что речь идет о

Германии. Был также поднят вопрос о Болгарии. Стороны сошлись на том, что ей нет оснований доверять и что не стоит рассчитывать на ее лояльность. В ходе переговоров советская сторона высказала опасение, чтобы в Югославии не произошло крушения изнутри, «как во Франции». Русские расспрашивали также про А. Корошеца и М. Стоядиновича. Неожиданно Поповичу и его помощнику поступило приглашение посетить штабы ВМФ и ВВС, а 4 октября их пригласили и к начальнику Генштаба. Попович сообщил ему, что располагает сведениями о том, что для нападения на Советский Союз у немцев есть 88 дивизий, и неофициально пообещал передать им собственные разведданные, собранные, в том числе, и в Москве. Начальник Генштаба был доволен⁴⁰.

В советской военной верхушке особое расположение к Поповичу оказывал нарком авиации. Вообще, его влияние за месяц пребывания в СССР было таково, что советские военные круги стали склоняться к поискам опоры в балканских государствах, но не решались предпринимать что-либо без согласия партии. Тем более, что советские военные болгарам не доверяли. Переговоры о закупке ими советского оружия не имели успеха, поскольку российская сторона требовала оплаты золотом. Значительно усилились германские позиции в Румынии. С другой стороны, «с Югославией здесь хотят сотрудничать, но недостаточно верят в ее прочность. Они полагают, что мы изнутри все изъедены фашистским и нацистским влиянием; доказательство тому они видят в последних изменениях во власти и событиях в стране. Это убеждение делает их осторожными, хотя военные круги открыто заявляют о возможном сближении и сотрудничестве»⁴¹.

В своем рапорте от 9 октября полковник Попович передал важную информацию, касающуюся оценки военного потенциала СССР военными атташе в Москве и военными кругами сопредельных государств. Эти оценки были неблагоприятными. Советская армия рассматривалась ими как отстающая во всех отношениях. Немецкие офицеры (в Швеции) открыто утверждали, что разобьют эту армию за 2–3 месяца. Тем не менее Попович оговаривался, что еще не составил личное мнение и что подобное общее мнение может оказаться результатом, с одной стороны, немецкой пропаганды, а с другой — закрытости советской армии от контактов с иностранцами. Он подчеркивал, что никто не отрицает прогресса и значительного развития промышленности, как и высокого качества вооружения. Об этом свидетельствовали, писал Попович, французы и англичане, которые с апреля по август 1939 г. вели переговоры с СССР и могли в этом убедиться лично.

В этом докладе, доставленном курьером в Белград в середине октября, то есть в те дни, когда Недич готовил свой меморандум для князя Павла, было сделано следующее заключение:

«Наряду с внешним желанием СССР придерживаться строго нейтральной позиции мои связи позволили выяснить, и это мне косвенно подтвердил начальник Разведуправления, что сегодняшние события советское руководство рассматривает только как подготовку „к занятию выгодной позиции“ в будущей войне с Германией, которую здесь считают неизбежной. Первоначальное решение о поставке нам сырья и оборудования покажет — существует ли единство мнений политических и военных кругов по отношению к Югославии. В любом случае, похоже, не стоит ожидать в ближайшем будущем активного заступничества СССР за интересы Балкан, по крайней мере до тех пор, пока существует убежденность в том, что, благодаря весьма сильному фашистскому и нацистскому влиянию в отдельных балканских государствах, державам Оси будут преждевременно выданы планы сотрудничества, что сделает его вовсе невозможным»⁴².

Югославский военный атташе в Москве сообщил 25 октября в Белград, что высшие круги СССР дали предварительное согласие на поставки и что 28 октября он передаст им список необходимого. В том же документе он выразил свое мнение, что, «поскольку мы просим немного и не затрагиваем вопрос снабжения в случае войны, они сомневаются в нашей боевой решимости [...]. У меня складывается впечатление, что они хотели бы заключить с нами политический договор»⁴³.

В начале ноября 1940 г. полковник Ж. Попович вновь был вызван в наркомат обороны, где у него запросили список необходимых материалов. Попович отмечает, что Сталин сможет предоставить помощь лишь при условии, «что все будет происходить через военных, а не дипломатов».

21 ноября Попович получил сообщение из советского Генерального штаба о том, что СССР одобрил поставки военных материалов, запрашиваемых Югославией. Москва, писал он, выразила готовность обеспечить всестороннее военное снабжение. С советской стороны изъявлялось желание поручить ведение всех переговоров военным властям, а также то, чтобы транспортное сообщение осуществлялось не через болгарскую территорию, на что атташе предложил осуществлять перевозки югославскими судами по Дунаю, но указал, что действовать надо быстро, пока Дунай не замерз. Советское руководство также потребовало, чтобы в Москву «срочно, до

полудня 23 ноября» были предоставлены данные о виде военных машин, моделях и калибре артиллерии, типе бензина и способе транспортировки⁴⁴.

В качестве ответа на данное требование югославский Генштаб 23 ноября отправил дополненный список по требуемой спецификации вооружения, боеприпасов и бензина. Он также выразил согласие на транспортировку их по Дунаю. Что касается самолетов, то предлагалось осуществить их перелет в Югославию югославскими или, по желанию СССР, советскими пилотами⁴⁵.

С назначением на пост военного министра генерала Пешича и обострением ситуации на Балканах активность вокруг обещанных поставок вооружения и боеприпасов увеличилась. Так, 6 декабря советский Генштаб сообщил, что перелет самолетов признан нецелесообразным. В нем полагали, что лучше осуществить транспортировку кораблями и требовали от югославской стороны предоставить детальный план перевозок. Передавая Белграду эту информацию, полковник Попович особо подчеркнул: «Из надежных источников поступило сообщение, что Италия, а возможно, и Германия уже оповещены [...], вероятно, в связи с ненадежностью Белграда. Необходимо принять меры безопасности, поскольку существует опасность, что нам сорвут поставки»⁴⁶.

Заместитель министра Пешича, генерал А. Стоянович поручил военному атташе немедленно проверить исправность бомбардировщиков и перехватчиков, совершить перелет малыми группами, а также согласовать с СССР, не лучше ли осуществить их транспортировку кораблями из Одессы в югославскую Свободную зону в порту Салоники. В начале декабря начальник Генштаба Косич потребовал срочный отчет — моторизированы ли противотанковые и зенитные орудия, какого они калибра и сколько автомобилей приходится на батарею. Косич потребовал предоставить все описания и таблицы вооружений⁴⁷.

Особую озабоченность у Белграда вызывала советская двусмысленность и нерешительность. В беседе с британским послом Кэмбеллом князь Павел выразил удивление по поводу того, что Москва до своего решения от 25 ноября ничего не отвечала на предложения о немедленных поставках требуемого вооружения. «Наш друг (князь Павел. — М. Б.) говорит мне, что не может понять целей советского правительства». В продолжении телеграммы Кэмбелл писал: «Министр юстиции (В. Ружич) сказал мне 6 декабря, что на обеде, устроенном в тот день для нескольких югославских министров советским

послом (Плотниковым), тот был чрезвычайно любезен, но довольно скрытен. А сама атмосфера напоминала времена старого режима. Министр юстиции спросил, могло бы советское правительство продать Югославии 500 самолетов? Советский посол улыбнулся и ответил: „Посмотрим“. Председатель правительства вмешался в разговор и уменьшил число — 200. Советский посол предложил 150, словно торгуясь, и вновь, улыбаясь, сказал: „Там видно будет“. Министр юстиции также прямо спросил, заинтересована советская сторона в поддержании мира или в войне на Балканах, на что советский посол ответил: „И то, и другое“»⁴⁸.

Анализируя поступившие сведения, сотрудники Форин Офиса констатировали, что советское правительство все еще в нерешительности, причем было заявлено, что речь идет о «природном коварстве» и ненадежности русских⁴⁹.

На наш взгляд, Плотников последовательно осуществлял распоряжения, согласно которым в дело по заказу вооружений и боеприпасов должны были быть посвящены только военные и князь Павел. СССР не был уверен в надежности и благих намерениях гражданских министров. Известно, что ни Ружич, ни Цветкович не знали количественных показателей югославских требований, не были они в курсе и согласия в полном объеме предоставить требуемые материалы.

14 января 1941 г. министр Пешич снова приказал, чтобы военный атташе доложил ему о ходе переговоров, а генерал Косич 16 и 28 января затребовал полную информацию о намерениях советской стороны, чтобы оценить стратегическую значимость возможного союзника: «Развитие крупных военно-политических событий в мире, и особенно на Балканах, ставит перед нами необходимость как можно более частого и достоверного оповещения о позициях и намерениях военных и политических кругов Москвы в связи с этими событиями. Неуклонное укрепление германских сил в Румынии, концентрация их в Валахии и Южной Добрудже, подготовка к форсированию Дуная, как и политическая активность болгарских государственных деятелей, указывает на возможность вхождения немецких войск в Болгарию, тем более, что этот факт не скрывают даже немецкие дипломатические круги.

Первостепенное значение имеет позиция Советской России по отношению к Германии, и особенно ее позиция на случай оккупации Болгарии, нападения на Грецию и Турцию и, возможно, дальнейшего порыва через Проливы на Средний Восток. Также важно знать, как ответила Советская Россия на военные приготовления, предпри-

нятые Германией в Румынии, в плане обеспечения своих интересов в черноморском регионе. Вам следует быть в курсе этих актуальных проблем и как можно чаще получать информацию, не полагаясь на редкие и ненадежные курьерские донесения.

В ваших донесениях следовало бы больше внимания уделять аспектам военной и военно-политической деятельности, в то время как общеполитические разделы следует ограничить наиболее важными событиями, не повторяя более подробно то, что известно из прессы.

Начните собирать сведения о концентрации советских сил на германской границе и прибавьте материалы о состоянии и развитии военной мощи Советской России, хотя бы в общих чертах, не дожидаясь окончания сбора материала для полномасштабного изучения»⁵⁰.

3 марта Попович, опираясь на данные весьма надежного источника, сообщил в Белград: «Россия будет придерживаться выжидательной позиции, что бы ни случилось на Балканах».

К сожалению, еще 4 февраля он был вынужден известить Генштаб и военное министерство, что по вопросу поставок в советском наркомате обороны ему сообщили, что переговоры по ним замедляются в связи с подписанием Югославией пакта с Венгрией и торгового соглашения с Германией. В Советском Союзе это было истолковано как отдаление от него. «Это, как и подчеркивание того, что цена роли не играет, показывает, что они хотят использовать наши требования для политической игры. Потому я считаю, что не стоит полагаться на этот источник. Спрашиваю, в состоянии ли мы собственными силами забрать из Одессы оружие и тайно его перебросить [...]. Они вновь требуют полной секретности»⁵¹.

Генерал Пешич ухватился за эту соломинку и тут же, через военного атташе, направил советскому руководству сообщение, что Югославия способна сама, своими силами, тайно забрать поставленное из Одессы и переправить его по морю. Он снова потребовал, чтобы его известили, когда советская сторона доставит материал в Одессу⁵².

Но советское вооружение так и не пришло. Канун гитлеровской агрессии Югославия встретила с недостаточно подготовленной армией, что особенно касалось тяжелой техники, авиации, противотанковой и зенитной артиллерии, с недостаточным количеством транспортных средств и запасов артиллерийского снаряжения. Этот факт оказал воздействие на генералов Пешича и Косича, которые на королевском совете заняли сдержанную позицию по вопро-

су организации эффективного и долгосрочного отпора немецкой агрессии...

После свержения Регентства и правительства, подписавшего акт о присоединении к Тройственному пакту, путчисты попытались через министра М. Нинчича успокоить Италию и Германию, но в то же время, несмотря на требование немецкого посла фон Геррена, отказались немедленно демобилизовать армию. Одновременно начались переговоры с советскими и британскими представителями о союзе и взаимопомощи.

Благодаря опубликованным в СССР в конце 1980-х гг. архивным документам мы можем проследить, сколько усилий приложили представители путчистов для того, чтобы сделаться стратегическими партнерами Москвы и таким образом, быть может, предотвратить нападение Германии. Эти сведения в полной мере подтверждаются мемуарами главы нового правительства Д. Симовича, где утверждается, что именно он является инициатором заключения пакта. Согласно советским донесениям из Белграда, первое заседание в Генштабе состоялось утром 30 марта. В тот же день поздно вечером с личным посланием Симовича Б. Симич нанес визит российским представителям в Белграде, а уже на следующий день Сталин потребовал от них, чтобы югославы срочно отправили в Москву делегацию для переговоров.

В последующие дни, в связи с помехами, создаваемыми немецкой агентурой, переговоры проходили ночью в доме Симовича. На первой встрече 30 марта генерал Б. Илич сообщил советским представителям, что югославское правительство желает установить всестороннее политическое и военное сотрудничество с СССР. Он пояснил, что «мы желаем военно-политического союза на любых условиях со стороны советского правительства, вплоть до определенных социальных изменений, осуществленных в СССР, которые могут и должны проводиться и в других странах». Илич изложил идею вооруженного нейтралитета, в связи с которой требовались поставки танков, самолетов и прочего вооружения. Однако Илич был неискренен, когда отрицал помощь Великобритании («Англия для нас означает только войну»). Он уверял, что югославский народ традиционно ориентируется на Советскую Россию, и требовал ответа, существует ли и с ее стороны доверие к югославскому народу. В этой беседе Илич озвучил наивную мысль, что «Москва может своим заступничеством в Берлине предотвратить нападение Германии на Югославию». При этом он подчеркнул, что предложение сотрудничества исходит от премьера, и это мнение разделяют не только все члены правительства, но и во-

енные. Результатом этих переговоров стала отправка в Москву миссии из трех человек. Между тем, весьма интересна позиция Симовича, которую он озвучил 3 апреля российским представителям в Белграде на секретном ночном совещании. Он сообщил, что считает договор с СССР уже заключенным и что «Югославия готова принять на своей территории любые вооруженные силы СССР, в первую очередь авиацию». На этом же совещании он передал данные разведки о концентрации немецких войск у границ Югославии, а также информацию, поступившую от шведского посла в Берлине, что немцы разработали план нападения на СССР, который должен быть приведен в действие около мая 1941 г. Донося об этих совещаниях, советник посольства В. З. Лебедев утверждал, что в югославском правительстве не было единой позиции по вопросу об установлении союзнических отношений с СССР и что инициатива исходила от югославских военных. В результате переговоров был заключен «Договор о дружбе и ненападении между СССР и королевством Югославия», подписанный 6 апреля и датированный 5 апреля⁵³.

Полковник Ж. Попович, присутствовавший 4 апреля в Кремле при обсуждении положений договора, свидетельствует, что там шла речь и о поставках оружия. Сталина интересовала способность Югославии к сопротивлению и состояние югославской армии. Получив информацию о нехватке вооружения, он заметил, что у СССР его достаточно, особенно противотанковых орудий. Член делегации полковник Д. Савич использовал эти слова, чтобы в присутствии вождя вновь поднять вопрос о поставках. Попович также напомнил, что 21 ноября 1940 г. поставки уже были одобрены и что со стороны Югославии приняты все необходимые меры, но документы уже много месяцев лежат в советских канцеляриях без движения. Сталин усмехнулся и добавил: «Идите завтра в наркомат обороны, завтра все будет сделано. Я сделаю для вас даже больше. Отправлю вам несколько моих пилотов и механиков, чтобы построили вам авиастроительный завод»⁵⁴.

Попович пишет, что после подписания договора 6 апреля В. М. Молотов отвел его в сторону и сказал, что ускорит процесс начала военных поставок в Югославию. Он пообещал, что соответствующее распоряжение будет дано офицеру, курирующему этот вопрос. Однако когда они с полковником Савичем 7 апреля направились в наркомат обороны, там не имели никакого понятия о каком-либо указании или инструкции по поводу поставки в Югославию вооружения.

Они и подумать не могли, что на их глазах вновь происходит смена политического курса, и настаивали, чтобы в наркомат при-

гласили руководителей, присутствовавших на переговорах со Сталиным, или его лично. Им было отказано. Это было новым разочарованием. Только после войны, когда стало известно, что Молотов в четыре часа дня принимал немецкого посла графа Шуленбурга, Попович понял, что СССР получил от Гитлера ультиматум с требованием не вмешиваться в балканские дела⁵⁵.

Со своей стороны, британское правительство было осведомлено от того же Симовича о контактах югославского правительства с СССР, «который готов оказать помощь». Симович в разговоре с послом Кэмбеллом выразил уверенность в том, что СССР произвел в Берлине демарш о недопущении войны и что переговоры продолжатся⁵⁶.

С другой стороны, в Белграде с 31 марта в большой тайне велись переговоры с начальником британского Генерального штаба генералом Дилом. В этих беседах Симович дал точную оценку того, что Германия в первую очередь нападет на Югославию и лишь затем на Грецию. Он полагал, что в этой ситуации важнейшее значение имеет сохранение под контролем Скопье и долины Вардара, куда необходимо перебросить дивизии югославской армии, но в ближайшие восемь дней положение будет критичным, поскольку ни мобилизация, ни стратегическое развертывание войск совершенно не подготовлены. Из содержания беседы было очевидно, что для всех приготовлений Югославии требуется почти 20 дней. Симовича особенно интересовало, может ли югославская авиация дислоцироваться и на греческих аэродромах и оттуда действовать против немцев. Дил ответил, что соответствующие переговоры ведутся с греческим правительством, чего требовала политическая конъюнктура. Греция еще не вступила в войну с Германией, а Югославия в свою очередь не приняла предложение о превентивном ударе по итальянским войскам в Албании. Англичане ознакомили Илича и Симича с состоянием их вооруженных сил на Балканах и предложили заключить союз. Кроме того, они толкали Югославию к началу немедленных переговоров с Грецией и Турцией. Однако до начала агрессии турецкая сторона, подобно югославской, сдержанно отнеслась к открытому принятию британской помощи. На переговорах обсуждалась только разведывательная информация и возможные варианты совместных действий. 3 апреля в Грецию с секретной миссией были направлены генерал Р. Янкович и майор М. Перишич, чтобы начать переговоры о сотрудничестве с генералом Папагосом и командующим британскими силами в Греции. В то же время, чтобы не провоцировать немцев, югославские генералы и правительство отказались принять в Белграде британского министра иностранных дел⁵⁷.

Все эти маневры не принесли никакой практической пользы самой Югославии. Гитлер принял решение о ее ликвидации сразу же после путча. Между тем, сам переворот и начавшаяся вскоре Апрельская война отложили нападение Германии на СССР на несколько недель, что впоследствии оказалось фатальным для германской армии, встретившей под Москвой суровую русскую зиму.

Перевод с сербского Я. В. Вишнякова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Huntington S.* Vojnik I država. Teorija I politika vojno-civiljnih odnosa. Beograd, 2004. S. 75; см. также: *Von Seek.* The future of German empire. New York, 1930. S. 151–153. *Bankwitz Ph.* Maxime Wezgard and civil-military relations in modern France. Cambridge-Harvard University Press, 1967; *Young R.* In command of France: French foreign policy and military planning 1933–1940. Harvard University Press, 1978; *Vaisse M.* Les militaires française et l’alliance franco-sovietique au cours des années 1930. Colloque forces armées et systmes d’ alliance franco-sovietique au cours des années 1930. Colloque forces armeés et systémes d’alliances. Montpellier, september 1981; *Wandycz P.* The Twilight of the France’s Eastern Alliances 1926–1936. Princeton, 1988; *Alexander M.* The Republic in danger. General Maurice Gamelin and the politics of French defence 1933–1940. Cambridge University Press. 1992. S. 210–314; *Jordan N.* The popular Front and Central Europe. The Dilemmas of French Impotence. 1918–1940. Cambridge University Press, 1992. S. 188–307.
- 2 Как формировался подобный курс мы, на основе французских документов, показали в нашем исследовании: *Belajac M.* Vojska Kraljevine SHS/Jugoslavije 1922–1935. Beograd, 1994.
- 3 Это прежде всего относится к бумагам полковника Жарко Поповича, военного атташе в Москве с сентября 1940 по апрель 1941 г., который, уходя в отставку, забрал с собой множество документов Генштаба ЮА. Их копии он отсылал в Белград, как и свои личные дневники; часть архивного материала, точнее воспоминания Ж. Поповича о его отдыхе в Москве, были опубликованы в белградском еженедельнике «НИН» в 1991 г. Часть — взята из книги «На распутье. 1941 г.» Драгослава Джорджевича, бывшего офицера, ставшего историком в Калифорнии. В первую очередь, ее автор опубликовал свои беседы с князем Павлом, а в одной работе использовал записи

- бесед с Поповичем и рукопись его мемуаров, которая хранится в Гуверовском институте.
- 4 *Jacquignon G.* La Yougoslavie dans la strategie francaise de l'entre-deux-guerres, aux origines du mythe serbe en France 1918–1935. Berlin; New York; Wien, 1999; *Milovanović N.* Vojni puč 27 marta 1941. Beograd, 1981.
 - 5 *Jacquignon G.* Op. cit. P. 468; О ненаучных методах и фальсификациях источников, с указанием конкретных мест и документальными доказательствами, мы писали в обширном эссе в журналах «Tokovi istorije» (Beograd, 2000. Br. 1–2) и «Balkanologie» (Paris. Decembre 2002. VI (1–2)).
 - 6 National Archives. Washington. NA MP. Micro Film M-1203. Roll 5. 860 H 001 AL 2/102. Yougoslavija-Internal. Moscow to State Department. October 20, 1934. Strictly Confidential: «I have the honor to resort that the assassination at Marseille of the King of Jugoslavia and the French Minister of Foreign affairs has caused a deep impression in Moscow. M. Barthou was the active campion of the French policy of Balkans, a policy which has presumably been assimilated with that of Soviet Union. While».
 - 7 ADMAE. Europe 1918–1940. Yougoslavie. Vol. 181. 29 septembre 1934. S. 140, 142–143.
 - 8 «С целью конспирации князь Павел заявил, что не исключается возможность заключения военного соглашения с СССР. Причем эта попытка была предпринята лишь в виде телеграфной связи с послом в Москве Гавриловичем, который не имел никаких полномочий от своего правительства для проведения переговоров с СССР, а также через одного из основных руководителей Крестьянской партии Милоша Тупанянина, как неофициального лица. От такого несерьезного отношения от каких-либо действий отказались, когда была получена... нота из Берлина. Чтобы быть полностью уверенным, что подобные попытки прекращены, князь Павел распорядился, чтобы Божин Симич, который контактировал с функционерами наркомата внешней политики СССР, выразившими интерес к Югославии, немедленно прибыл в Белград с докладом. Таким образом, князь Павел считал, что в этой двуличной игре с СССР он приобрел еще один аргумент для обществвенности: „Мы попытались...“» (*Milovanović N.* Vojni puč... S. 346).
 - 9 27 mart 1941: Knez Pavle u vihorima evropske politike. Beograd, 2003 (dokument u priložima. S. 211–213).
 - 10 *Petranović B., Žutić N.* 27 mart 1941. Tematska zbirka dokumenata. Beograd 1990. S. 215–218. Цинцар-Маркович — посольству в Москве, 3

- февраля 1941 г.; М. Гаврилович — Цинцар-Марковичу, 8 февраля 1941 г.; Цинцар-Маркович — посольству, 13 марта 1941 г.; М. Гаврилович — Цинцар-Марковичу, 14 марта 1941 г. 15 марта Министерство иностранных дел передало послу М. Гавриловичу решение правительства о том, что Б. Симич должен явиться с докладом в Белград.
- 11 *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Beograd, 1996. Knj. 3 (1938–1996). S. 650.
 - 12 *Ibid.* S. 654.
 - 13 *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju J. B. Tita. Beograd, 1984. T. 3. S. 150–151. Милан Живанович, со слов самого Б. Симича, пишет о том, что правительство направило его в Москву для установления дипломатических отношений, и он в период с февраля по март 1941 г. состоял на службе в посольстве Югославии. В конце марта он вернулся в страну. Он знал о том, что готовится путч, а после него был отправлен в составе делегации для заключения договора о дружбе с СССР (*Živanović M.* Pukovnik Apis. Solunski proces hiljadu devetsto sedamnaeste. Beograd, 1955. S. 655).
 - 14 ADMAE. Papiers d'argents (PA-40). Gamelin vol. 1, 14. Poslanstvo Beograd, 23 septembar 1939. Беседа с князем Павлом.
 - 15 ADMAE. PA-40. Papier Rochat vol. 12. 230–231. Beograd, 22 april 1940.
 - 16 Архив Војно-Историјског Института (далее — АВИИ). П. 17. К. 4. Ф. 1. С. 3.
 - 17 Там же. С. 4–5.
 - 18 Там же. С. 13–14.
 - 19 *Balfour N., Mekej S.* Knez Pavle Karađorđević. Jedna zakasnela biografija. Beograd, 1990. S. 140.
 - 20 *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije 1941 godine. Beograd; Ljubljana; Titograd, 1983. T. 2. S. 143.
 - 21 *Hopther J.* Jugoslavija u krizi 1934–1941. Rijeka, 1972. S. 15.
 - 22 PA-40. Cabinet Bonnet. Vol. 16. 57–61. Declaration concernant la Yougoslavie 6 avril 1941.
 - 23 *Pavlovitch S.* Unconventional Perception of Yugoslavia 1940–1945. Chapter I. General De Gaulle: The Free French and Yugoslavia. N. Y., 1985. S. 1–4.
 - 24 *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije... T. 1. S. 303. См также: *Brescia A.* Jugoslavija 1939–1941. Diplomazia della neutralna. Guiffre ed. Roma, 1978. S. 382–383.
 - 25 *Hopther J.* Jugoslavija u krizi... S. 199–200; *Balfur N., Mekej S.* Knez Pavle Karađorđević... S. 135; *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. S. 563, 573 (dok. 244, 253).

- 26 *Jovanović D.* Ljudi, ljudi. Beograd, 1975. Knj. 2. S. 161–165.
- 27 Ibid.
- 28 *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije... Knj 1. S. 584–586 (prilog 5).
- 29 *Ciano's Diary 1939–1944.* Heinemann, London, 1947. S. 378.
- 30 Сообщение французского консула в Софии Блондела от 12 августа 1940 г. (МАЕАД. Serija PA-40. 00-Papiers Baudoin. Vol. 7. 25); Телеграмма из Будапешта № 616, секретно, 25 сентября 1940 г. (PA-40. Bureau d'etude Chauvel. Vol. 46. 2).
- 31 *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj 3. S. 543 (dok. 226).
- 32 Попович Жарко (Мордича, Босния, 27.01.1896 — Лондон, 1989), полковник Генштаба, в то время начальник Разведотдела Генштаба. Воспитанник Одесского кадетского корпуса (1906–1913), Петроградского артиллерийского училища (1913–1914), Высшей военной школы Ecole Supérieure de la Guerre, Париж (1921–1923). В сербскую армию вступил добровольцем в 1914 г. После Первой мировой войны являлся членом делегации правительства и верховного командования в Софии. В октябре 1924 г. переведен на службу в Генштаб. Звание полковника получил в 1936 г. С 21 августа 1940 г. — военный атташе в Москве. После поражения в Апрельской войне перешел в Британскую армию в звании полковника (АВИИ. Персональное досье. См. также: *Bjelajc M.* Generali i admirali Kraljevine Jugoslavije. 1918–1941. Beograd, 2004. С. 278).
- 33 Институт Гувера. Архив Жарко Поповича Z-28. Ч. 2. Мемуары «Моя служба в Советском Союзе — My service in the Soviet Union» были написаны в 1948 г. и посланы для ознакомления отставному военному атташе США в Белграде и личному его другу генералу Льюису Фортьеру; о немецком ультиматуме в начале июля см: *Aprilski rat 1941.* Zbornik dokumenata. Beograd 1969. Knj. 1.
- 34 ZP-28. Ч. 1 (Ж. Попович — М. Недичу. Москва, 9 октябрь 1940).
- 35 *Ђорђевић Д.* Успомене војног изасланика // НИИ. 29 марта. 1991 г. С. 74.
- 36 ZP-28. Ч. 1 (Ж. Попович — М. Недичу. Москва, 9 октябрь 1940. С. 1–2).
- 37 Там же. С. 1.
- 38 Там же. С. 2.
- 39 ZP-28. Ч. 1–14. № 1. Москва, 22 сентябрь 1940. В рукописи своих мемуаров (с. 56) Попович упоминает, что перед отъездом в Москву его проинструктировал министр иностранных дел Цинцар-Маркович. Как и Недич, он требовал информации о действительной мощи СССР, поскольку не верил сообщениям посла Гавриловича, и вообще членам Земледельческой партии, которую подозревали в

- том, что в ней много коммунистов. Все надежды возлагались на военного атташе.
- 40 ZP-28. Ч. 1 (Ж. Попович — М. Недичу. Москва, 9 октобар 1940. С. 2).
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Там же. Ч. 3.
- 44 Там же. Ч. 22.
- 45 Там же. Ч. 23.
- 46 Там же. Ч. 27 (Москва, 6 децембар 1940).
- 47 Там же. Ч. 28 (А. Стоянович — Ж. Поповичу. Београд, 7 декабря 1940; П. Косич — Ж. Поповичу. Београд, 11 декабря 1940).
- 48 *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. S. 571.
- 49 Там же.
- 50 ZP. 1. С. 41 (№ 11084. Београд, 28 јануар 1941).
- 51 Там же. С. 42.
- 52 Там же (П. Пешич — Ж. Поповичу. Београд, 6 фебруар 1941).
- 53 *Balfour N., Mekej S.* Knez Pavle Karađorđević... S. 241–250. Выдержка из советского журнала «Вестник министерства иностранных дел». 15 августа 1989. № 15 (49); *Илић Б.* Успомене армијског генерала. Београд, 1991. С. 190; *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije... Knj. 1. S. 539–543; *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 750 (dok. 399).
- 54 *Борћрвић Д.* Успомене војног изасланика. С. 73. Попович подчеркивает, что посол Гаврилович исключил его из состава югославских переговорщиков, но Сталин потребовал пригласить его.
- 55 Там же. С. 76.
- 56 *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 750.
- 57 *Илић Б.* Успомене армијског генерала. С. 190–191; *Terzić B.* Slom Kraljevine Jugoslavije. Knj. 1. S. 526–539; *Avramovski Z.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. S. 786–799.

Belajaz M.

The Army of the Kingdom of Yugoslavia in 1939–1941

This publication presents an overview of activity of the highest political and military leaders of Yugoslavia just before the Hitler's attack at the country. A special attention was put on the foreign policy manoeuvres of Belgrade including attempts to establish allied relations with the U.S.S.R.

Key words: Yugoslavia, Prince Pavel Karageorgievic, General Milan Nedic, Colonel Zarko Popovic, negotiations with the U.S.S.R., coup d'état on March 27, 1941, April War of 1941.